

Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии / Н. М. Ведерникова // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 6—22.

УДК 398.3+801.81

Мельницы и мельник в русской мифологии

Н. М. Ведерникова

Статья выполнена в русле фольклористики. Предметом внимания автора являются мельницы как элемент культурного ландшафта. Они наделены особым статусом пограничной зоны, отделяют свое (благожелательное, христианское) пространство от чужого (враждебного, находящегося во власти природных духов). Отсюда двойственность отношения к мельницам (необходимая часть крестьянского мира — место, враждебное человеку), вызвавшая ряд поведенческих запретов: на посещение мельниц женщинами и детьми (видимо, мельница расценивалась как мужская зона), купание и ловлю рыбы в мельничных прудах. По поверьям, мельник был посредником между крестьянским миром и водяным, а также прочей нечистой, пребывающей на мельнице. Автор основывается на фольклорных текстах, наблюдениях этнографов и фольклористов. Поверья, легенды, былички, устные рассказы о мельницах составляют большой тематический пласт фольклорной прозы. Изображение и оценка мельниц как опасного места, а мельника как колдуна составляет содержательную основу всех устных рассказов о мельницах. В основе их — единые мифопоэтические представления о мире, его границах, духах земли и воды, поведенческих нормах в сакрализованных пространственных зонах. Вводятся в научный оборот записи из личных фольклорных архивов автора.

Ключевые слова: фольклористика; мельница; водяной; нечистая сила; мельник.

Ветряная мельница оживляла облик деревни, жилого гнезда и даже группы деревень, дополняя их архитектурный облик новыми, необычными де-

талями. Эстетика же водяной мельницы возникла на контрастной основе. Кругом дикая, нетронутая природа, лес или луга, порожистая либо широкая "тихая" река, небо, вода и ветер. И вдруг среди всего этого одиночное, превосходно сделанное сооружение да еще действующее шумно и неустанно. Окружающая подобный архитектурный объект природа преобразалась и становилась как-то по-особому близкой человеку.

В. Белов. Лад. Москва, 1989, с. 376

1. Мельницы в культурном ландшафте

Мельницы в системе материальных и духовных ценностей русского крестьянина занимают особое место. Являясь материальным объектом, традиционным элементом культурного ландшафта, они формируют вокруг себя большой тематический пласт фольклорной прозы: поверий, легенд, быличек, устных рассказов.

Рассказы о мельницах, бытовавших повсеместно, были отмечены этнографами еще в середине XIX века и подтверждены свидетельствами фольклористов в последующее время. Относятся они в основном к водяным мельницам, появление которых в русских деревнях документально фиксируется с XIII века, но исследователи предполагают и более раннее их бытование [Щепанская, 2001а, с. 16].

При широкой вариативности деталей все рассказы о водяных мельницах отличает устойчивость основных повествовательных мотивов, тесно связанных с мифологическими представлениями, в основе которых лежит мифопоэтическая картина мира, делящая пространство на «свое» (благожелательное, христианское) и «чужое» (враждебное, управляемое злыми духами). В этом пространстве знаковым было пограничье как место, принадлежащее двум «мирам» и потому в наибольшей степени концентрирующее в себе положительную и отрицательную информацию — отсюда двойственность его восприятия (необходимая часть крестьянского мира — место, враждебное человеку). Именно таким пограничьем являлись мельницы.

Целевой установкой всех этих рассказов является показ мельницы как опасного места и мельника как человека, наделенного особым знанием, контактирующего с враждебным миром. Изображение и оценка этого локуса, в сущности, и является их содержательной основой.

Ценностное отношение к пространству — одна из особенностей традиционной фольклорной культуры, «которое может быть понято через историю психологического освоения человеком пространства» [Адоньева, 2000, с. 76], «в плоскости культурной действительности — бытового и магико-обрядового поведения — связано с наличием представления о сакральном пространстве как месте контакта с силами сверхъестественными» [Там же].

Водяные мельницы, расположенные в стороне от деревни, у воды, являлись пограничем, пространство которого было обозначено самой мельницей с мельничным колесом, мельничным прудом (омутом, заводью), плотиной, дорогой, пролегающей близ мельницы. Как место, принадлежавшее двум «мирам», оно проявляло себя двойственно по отношению к человеку. Мельница, с одной стороны, была частью крестьянского мира, местом посещаемым, связанным с хозяйственными заботами крестьянина, — получением конечного продукта своего труда — муки; с другой, находилось в «зоне» враждебных сил — водяного (чертей) и потому заключало в себе опасность. С этим связан и ряд запретов: на посещение мельниц женщинами и детьми (видимо, мельница расценивалась как мужская зона), купание и ловлю рыбы в мельничных прудах. В поверьях поморов: *«В путешествии водою мельницы не упоминают, т. е. о мельнице не говорят, чтобы не накликать на себя беды, а беда эта есть буря, сильный ветер»* [Ефименко, 1877, с. 176].

Одиноко стоящая на окраине у озерного залива или на реке, она становилась знаковым местом, где все, находящееся в зоне мельничного пространства, обретало особый смысл и требовало объяснения. Почему мельница построена именно в этом месте? Что заставляет

колесо вертеться с такою силой и шумом? Что обеспечивает ее бесперебойную работу, спасает от паводков? и т. д. За реальными знаниями крылись поверья, основанные на представлениях о связи мельников с водяным.

2. Мельница и нечистая сила

Вера в водяных (общее название нечисти, проживающей в воде) устойчива в народной мифологии, как устойчив и страх перед водяным. «Народ верит, — читаем у Ефименко, — что утонувший утонул не сам собой, нечаянно постигшею смертью, а стащил его водяной, что и тонут люди более там, где есть домовища. Водяной сперва утягивает человека в воду, потом заверчивает до смерти. Иногда же всовывает в хворост, в верши, под камень, сдирает кожу, свертывает голову и т. под. Под конец же всего, натешившись, водяной выбрасывает мертвого. Водяной играет, т. е. дурачится более летом, в Ивановскую и Ильинскую недели. Тогда он, ради шутки, ждет всяческих жертв» [Ефименко, 1877, с. 165].

Внешний облик водяного (как и лешего, домового) в устных рассказах постоянно варьируется. *«Всяко может показаться: женищиной, чошут голову, собакой — я так собакой видал — рыбой может казаться»* [Богатырев, 1916, с. 54]. *«Видом своим он подобен лешему, только шерсть на нем очень лохматая и белого цвета. Одежды не носит никакой»* [Колчин, 1899, с. 25]. Его описывают и как злобного старика с большой бородой, покрытой тиной, но чаще всего водяной показывается огромной рыбой. Притом что сведения о внешнем облике водяного сбивчивы и путаны, устойчивыми признаками его являются: пребывание в воде и производимый им шум — он хлопает по воде, насыляет бурю, пускает круги по воде [Максимов, 1903, с. 102]. Как леший являлся хозяином леса, во власти которого были звери и птицы и от которого зависела успешность охоты и благополучное пребывание в лесу, так и водяной считался властелином рыб, он мог успокоить или взбаламутить воду, забросать русло камнями, разрушить плотины.

По народным поверьям, водяной живет в омутах, «особенно же любит селиться под водяной мельницей, возле самого колеса» [Афанасьев, 1982, с. 208]. К омутам отношение было однозначным («В тихом омуте черти водятся» — омуты затягивают людей). Из сведений по Архангельской губернии: *«Водяной живет в глубочайших ямах, озерах или реках. Над теми ямами, где вертит воду. Такие места называются чертовыми домовищами, следственно, водяной живет домом, т. е. имеет семейство. Водяника из воды выходит нагою в полночь и садится на камень; тут она расчесывает свои волосы большим гребнем»* [Ефименко, 1877, с. 165]. Образ «водяники», таким образом, сливается с образом русалки.

Омут, заводь — места, где обычно ставились мельницы, они же — места пребывания водяного. Постройка мельницы, ее бесперебойная работа, по народным представлениям, всецело зависели от водяного. Как полноправный хозяин места, он налагал на людей особые поведенческие запреты, требовал дани.

Пословица «Со всякой водяной мельницы водяной подать возьмет» отражает веру в необходимость задабривания водяного. Уплата дани водяному — особенно устойчивый мотив в русском фольклоре. *«При постройке мельницы достаточно положить зарок на живую тварь: свинью, корову, овцу (намек на древние жертвы) или человека, а уж водяник рано или поздно найдет свое посуленное и утопит в воде; большая мельница строится не менее чем на десять голов (Тамб. Губ.)»* [Афанасьев, 1982, с. 209]. «Общественное мнение будоражили слухи о человеческих жертвоприношениях. Еще в XIX веке среди крестьян ходили разговоры, что мельники специально сталкивали в пруд припозднившихся путников. Чаше, однако, предполагалось, что водяной сам забирает обещанную ему мельником жертву» [Щепанская, 2005, с. 351].

Отголоски поверий о необходимости жертвоприношений водяному сохранены и в русской былине о Садке, и в волшебной сказке: купец, возвращающийся домой, у озера припадает к воде напиться,

его кто-то хватает за бороду и требует отдать то, чего дома не знает (родившегося сына).

Водяным охотно принимаются в качестве подарка также животные черной масти или их шерсть (особенно козла). «В этих целях на мельнице все еще бережно воспитываются все животные черной шерсти (в особенности петухи и кошки)» [Максимов, 1903, с. 111]. «В нынешние времена, — пишет С. В. Максимов, — умиротворение сердитых духов стало дешевле: угождают и мукой с водой в хлебной чашке, и, во всяком случае, заботливые мельники ежедневно кидают в реку крошки хлеба, скопившиеся на столе после обеда, а по праздникам льют даже водку» [Там же]. В качестве жертвы упоминается и табак (как дьявольское зелье). «*Мужик засыпал зерно и собрался молотъ, шишига “села на бабку у мельничной шестерни, и мельница остановилась”. Сойти же она отказалась до тех пор, пока мужик не даст ей табаку. Как только он привез табак и бросил его в пруд, “тотчас же мельница начала работать, а шишиги на шестерне как будто и не бывало”*» [Щепанская, 2001а, с. 19]. П. Г. Богатыреву в Шенкурском уезде рассказали о мельнице, поставленной «на девятом зерне» [Богатырев, 1916, с. 54], (т. е. об обете – отдать водяному девятую часть обмолачиваемого зерна).

Помимо водяного на мельнице управлялись черти (шишиги, моргулитки, девки и пр.). Движение мельничного колеса, шумно разбрасывающего водяные брызги, породило поверья о том, что оно приводится в действие водяными чертями, сидящими на колесе [Афанасьев, 1982, с. 209]. Некоторые из народных загадок о водяном колесе сохраняют это представление: «*Сидит старик над водой, трясет своей бородой*» [Садовников, 1959, № 1154] или «*Сидит кикимора на болоте, не жнет, не молотит, денежки колотит*» [Садовников, 1959, № 1128а].

Сам шум, производимый мельницами, пугающий. Во всех загадках мельница описывается через производимый ею звук. И звук этот

зловещ, он сопоставим с топотом табуна лошадей, ревом медведя, лаем собак. *«На Павловском на Романовском билася коза с козлом, помутилася вода с песком, кони затопали, медведь заревел»* — загадка [Садовников, 1959, № 1124].

Поведение духов, обитающих на мельницах, могло быть нейтральным и даже благожелательным, особенно по отношению к крестьянам. *«На мельнице тятя был. Мельница ходила, работала, вдруг остановилась. Открыли дверцу в колесницу — сидит красавица, коса распущена, в воде ноги моет. Они испугались, выбежали. А она им говорит: “Чего испугались? Вот вымоюсь и уйду”. Вытащила ноги, ушла, и мельница заработала»* [Черепанова, 1996, № 168]. Н. М. Боллознев (Кенозеро) рассказал: *«На мельнице пугать не пугало, а разбудить — разбудило. Раньше мололи зерно, толочли в ступах овес. Я сам после войны в Видягинскую мельницу поехал, там еще у них работала мельница, а наша (в Зихнове) не работала, видно. Я купил овес и увез туда толочь. Засыпал вечером, свалился и заснул. Сплю-у-у. И вдруг говорит кто-то: “Ты что спишь? У тебя уже все (смолото)!” Я пришел, так толочно, мука, летит из ступы. Я и у мужиков слышал – будило»* [Кенозерские сказки..., 2003, с. 120].

Вода у мельницы наделялась особыми, магическими, свойствами. Д. К. Зеленин в заметках о Вятской губернии, где особенно много мельниц, в традициях местных жителей отмечает почитание воды, производившееся на «шумихах» (мельницах). Мельниц было множество, но выделялись четыре наиболее чтимые: в Орловском у. (Усова мельница), Нолинском, с. Шварихе, в Слободском у., в с. Мудрове и в Уржумском у., в с. Рождественском. *«Шумному богу молиться, — пишет Зеленин, — ходят большей частью в девятую пятницу после Пасхи»* [Зеленин, 1994, с. 75]. В Новгородской области *«Четырнадцатого апреля носили подарки водяному: “Храни, спасай нашу семью”. Прямо в речку бросали муку: “Храни, паси нашу семью”»* [Черепанова, 1996, № 173]. Вода у мельничного колеса называлась *живой водой*; целебной силой особенно облада-

ла вода, текущая по желобу к мельничному колесу (из рассказов в Пушкиногорье) [Личный архив].

По рассказам жителей д. Зихново (Кенозеро) вода из-под мельничного колеса, а также вода, взятая из ручья, вытекающего из-под мельничного колеса, обладала особой силой, которая использовалась деревенскими знахарками и ведуньями (мельничные колеса вместе с водой «перемалывают болезни»): *«Студенец-ручей он там из-под земли течет. Все мы ходили брали водушку у мельницы из-под битого колеса. Где колеса вертятся, тут у стеночки, из-под битого колеса воду и брали. Этой водой детей мыли, грыжу и от призору заговаривали: “Встану я, раба божья Алена, благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот воротами. Выйду я в чистое поле. В чистом поле стоит дубище, на этом дубище сидит серое котиче. Он омывает, очищает все думы, призоры, все переговоры с белого тела, с ретивого сердца, с буйной головуши, с серых очей, с черной бровей. Аминь моим словам”.* Почитаешь над водой, водой окатишься, омоешься и от чистого сердца перекреститься». (Е. М. Мелехова) [Личный архив].

У этого ручья (Студенца) Елена Максимовна Мелехова узнавала и о пропавшей скотине. Об этом же рассказала и М. В. Капустина: *«Мелехова к роднику ходила, вызывала кого-то и спрашивала: “Такая-то животинка, Пеструшка-ли, жива ли нет?” А там отвечают — “Да” или “Нет”. У дедка потерялась лошадь, пошли к Алене. Она: “Ладно, я позари схожу у роднику”. Там ей сказали — “да”. Она говорит: “Идите, ищите”. Нашли, запуталась в траве»* [Личный архив].

Таким образом, все мельничное пространство обретало статус сакрального, колдовского, вхождение в которое чаще всего могло грозить бедою. Эта характеристика оставалась за этим местом, даже если мельница сносилась. *«Там раньше мельница была, — рассказывает жительница села Колятур. — А потом мама там дом поставила. Дак там все неладно шло: то корова кончится — скотина*

не велась. Потому что на месте мельницы нельзя ставить (дом)» [Щепанская, 2001а, с. 20].

3. Представления о мельнике как колдуне

Посредником между крестьянским миром и водяным, а также прочей нечистью, пребывающей на мельнице, был мельник.

Держать мельницу, управляться с водной стихией мог только «знающий» человек (специалист, профессионал). Т. Б. Щепанская, исследовавшая мужские сельские профессии (пастуха, кузнеца, плотника, мельника, коновала), убедительно показывает, что в традиционном представлении с понятием профессионализма связывается не только особый род деятельности — специализация, но и устойчивая вера в магические способности такого профессионала, проявляющаяся, в частности, в умении контактировать с нечистой силой. «По сути, магическая сила (или *знание, статья, слово*, которыми владел водяной) являлась в глазах населения знаком и синонимом профессионализма» [Щепанская, 2001а, с. 27]. Таким образом, «знающий» мельник, это и профессионал, и человек, владеющий тайными знаниями. От уровня его «профессионализма» и в той, и в другой области зависела успешная работа мельницы.

Связь мельника с водяным строилась на особых «договорных основах». Уже при выборе места постройки плотины нельзя было обойтись без подсказки водяного. *«Здесь мельница была. Этот мельник, — говорят, — он чего-то знал. Пашком его звали. Мои-то родители дак они знали его, этого Пашка, а уж я не запомнил. Он когда строить начинал эту вот плотину (так попробуй на речке, чтобы сделать плотину!), а он, говорят, бросил какую-то шишу ли чего ли и говорит: “Держите, наши и ваши!” И на речке, на проходной воде эта палка остановилась. Он говорит: “Идите, бейте с этой палки сваи”. Сваи стали бить, мельницу сделали. Этот мельник работал до тех пор, пока его не выгнали. Его выгнали, он и говорит: “Я уйду —*

и мельница уплывет". На другой год унесло мельницу, как он ушел, и той же весной» [Вятский фольклор, 1996, № 425].

Считалось также, что водяной и черти обеспечивали бесперебойную работу мельницы. В одной из сказок-быличек мельник «водяному душу на срок продал, и все ему с той поры удавалось» [Садовников, 2003, с. 227]. У Афанасьева, использующего материалы архива РГО, читаем: «Мельник непременно должен быть колдун и водить дружбу с нечистыми; иначе дело не пойдет на лад. Если он сумеет задобрить водяного, то мельница будет всегда в исправности и станет приносить большие барыши; напротив, если не поладит с ним, то мельница будет непрестанно останавливаться: водяной то оберет у шестерного колеса пальцы, то прососет дыру у самых вешняков — и вода уйдет из пруда прежде, нежели мельник заметит эту проказу, то нагонит поводь и затопит колеса. Один мужик построил мельницу, не спросясь водяного, и за то последний вздул весною воды с такою силою, что совсем разорил постройку» [Афанасьев, 1982, с. 209].

В сборнике Д. И. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» помещен такой рассказ о мельнике: *«Мало таких мастеров было, Лучшие его муки во всей округе не было. А почему так? У него было четыре моргулютки [местное название: нечистый дух, мифологическое существо] да в Жигулях прыг-траву достал. Достал себе моргулюток потому, что без них ни одну мельницу не удержишь... Век свой Петр Васильевич беспокойно прожил. С моргулютками тяжело ладить. Они знали свое дело и сильно его донимали <...> Давай и давай им работы... Хорошо, — говорил Петр Васильевич, — с моргулютками жить, только надо быть хитрым и шустрым, а то как раз головы не сносишь» [Садовников, 2003, с. 358].*

Само получение мельником магической силы, помогающей ему управляться с водяным, моргулитками и пр., связывалось с его постоянным нахождением в пространстве, где обитает нечистая сила. Это порождало устойчивую веру в то, что мельник

– колдун: *«Вот у нас мельница была, где, знаешь, мост большой, высокий. На этой речке было две мельнички. И вот наверху молот. Он с чертями знался. И вот мелешь раз муку — запищит, запищит в этих колесах! А он сходит, свиную полосу бросит им — значит, не визжат. Он мельницу строит первый раз, где-то чащину срубил, елочку несет. И где [елочка в воде] остановится, там место строится. Небольшая елочка, метров около полутора <...> А если ты вот заспоришь с ним и пойдешь домой, так домой приедешь на второй день. Ты полезешь на сосну, образумишься только на сосне: как папал, не знаешь. Еле слезешь. Он умирал, так двое суток: пяты надо резать у него крестом [т. е. нарисовать на пятках кресты]»* [Садовников, 2003, с. 356]. Мельнику же приписывалось знахарство — умение «отпускать» свадьбу и лечить «от порчи».

С образом мельника связана и такая деталь, как постоянное ношение топора. *«Мельник не бездельничает, хоть дела нет, а из рук топор нейдет»* [Даль, 1979, т. 2, с. 317—318]. Это же отмечает С. В. Максимов: *«Каждый мельник, хотя дела нет, а из рук топора не выпускает»* [Максимов, 1013, с. 110]. Максимов объясняет это необходимостью все время что-то подправлять в плотине, «которую размывает и прорывает не иначе как по воле и силе водяного черта» [Там же]. Т. Б. Щепанская полагает, что топор — знак силы, магических способностей — традиционный атрибут мужчины-колдуна [Щепанская. Сила, 2001, с. 78]. Рассматривая топор как магический предмет, можно вспомнить поверья о том, что нечистые боятся топора. На Кенозере при перевозе умерших на кладбище через озеро в случае, если лодка вдруг встанет (остановит водяной), следует ударить топором по крышке гроба. Топор, как магический предмет, используется в заговорной практике («утин сечет»).

Сама работа мельника, требующая особых знаний, столь отличная от труда крестьянина, — превращение зерна в муку (еду) — была сродни колдовству. В народном ряжении мотив «перемалывания»

(мельником зерна) преобразуется в святочную игру, имеющую эротический оттенок: «изображающий из себя мельника вымазан мукой, к нему-то и подводят каждую по очереди девушку, которая говорит: “мельничек, мельничек, смели мне лукошечко мучки!” — “ну давай, желанная!” отвечает тот и болтает пестом в ступе, за что его девушка и целует» [Ивлева, 1994, с. 98].

Пожалуй, никакой другой фольклорный персонаж не получил столь детальной разработки. Это определено, главным образом, представлениями о связи мельника с особым локусом – опасным пограничем и о характере работы. («*Сердце мельницы — каменные жернова, сердце мельника — каменное*» — из поверий Пушкиногорья). Старожилам г. Одоева мельники запомнились как люди-маски («все лицо белое — в мучной пыли, только глаза видны»). Жизнь на отшибе рисует мельника в фольклорных рассказах человеком одиноким (никогда не отмечается, что у него есть семья), в летах, необщительным, богатым и очень скупым. «*Мало денег — держи свиней, а много денег — заводи мельницу*» [Даль, 1979, т. 2, с. 317—318]. Одна из легенд рассказывает о том, как мельник отказал в милостыне нищему, переодетому Христу [Афанасьев, 1914, с. 60—61]. Богатство же мельника, по народным воззрениям, было «от лукавого». Неслучайно благополучие мельника, его богатство связано с поверьями о принесении мельником человеческих жертв — определенного числа голов (человеческих жизней). То же в преданиях о кладах, зарытых разбойниками (на три и более голов) — то есть клад откроется лишь при человеческих жертвах. Другой распространенный мотив фольклорных преданий — «получение клада от нечистых духов» — связан с широко распространенными сюжетами добывания в ночь на Ивана Купалу цветка папоротника. В быличке из сборника Садовникова с помощью «спрыг-травы» (разрыв-травы — цветка папоротника) мельник открывает все замки, усмиряет моргулюток, и сюжет о добывании этого цветка у нечистой силы становится органичной частью всего рассказа. В быличке, приво-

димой П. Г. Богатыревым, мать мельника устанавливает мельницу с помощью волшебной травы «белый кинря», заставляющей воду отступить [Богатырев, 1916, с. 55]

В русском фольклоре одним из символов благополучия, богатства являются жернова. В русских сказках жернова (домашняя мельница) входят в круг волшебных предметов, дающих изобилие. Но волшебные свойства, по условиям сказки, обретают лишь те предметы, которые принесены «из иного мира» [Пропп, 1946]. В сказке «Петух и жерновцы» старик получает жернова на небе, куда он взобрался по просшему до неба желудю, принесенному из леса. Чудесные свойства жерновцов заключены в даруемой еде: старуха «что ни повернет — все блин да пирог!» [Афанасьев, 1957, т. 2, с. 35]. Очевидно, что и на мельничные жернова переносились представления о богатстве, которое мельнику посылали нечистые.

К. К. Логинов, рассматривая в своей статье «Колдуны Заонежья: истинные и мнимые» феномен колдовства, колдуна и тех, кто способен был напустить порчу или znalся с нечистой силой, высказывает предположение, что так называемые колдуны обладали «какими-то экстрасенсорными способностями». В этом его убеждают и повсеместно в деревнях высокий статус колдунов (их уважали и боялись), и множество рассказов, подтверждающих реальность колдовства. Свое предположение он обосновывает рассказами об одном из известных в Заонежье колдунов, «виртуоза по части гипноза и внушения», Иване Васильевиче Титове, который давал свадебный «отпуск» — очищал дорогу новобрачным, посылая впереди свадебного поезда «нечто», которое воспринималось визуальнo и на слух в виде летящей над дорогой тройкой» [Логинов, 2000, с. 180]. Титов же владел мельницей на речке, впадающей в Ванчозеро, и оставался единственным нераскулаченным владельцем частной мельницы, с которым безуспешно пытались бороться представители советской власти. К. К. Логинов пересказывает следующие истории о мельнике-колдуне (из материалов архива Научного центра Карельской

АН): «Поскольку в Шуньге сельсоветчики боялись Титова как огня, они направили на него Совет из Медвежьегорска. На Ванчозеро прибыло сразу несколько человек, чтобы описать имущество и составить разные акты, поскольку хозяйство у мельника было немалое. К их удивлению, Мельник уже поджидал у перевоза, как будто заранее знал о предстоящем прибытии властей. Встретил вежливо, рассадил в лодке. Когда тронулись в путь, работники совета с удивлением заметили, что лодка движется необычайно быстро. Сейчас бы сказали: “Как под мотором”. Поинтересовались, отчего, мол. Тут мельник усмехнулся и спрашивает: “А показать ли вам гребцов?” Ничего не делал мельник, только, откуда ни возьмись, налетела на лодку целая туча чертей. Пара-тройка грести помогают, остальные же за борта судно раскачивают. Перепугался народ до полусмерти. Когда к берегу причалили, отказались представители власти от чая и свежей выпечки. Отдышались прямо на берегу и в обратный путь тут же тронулись. Мельника с собой не взяли, сами за весла сели: мол, за лодкой своей приедешь, когда досуг будет» [Логинов, 2000, с. 183].

Со следующим представителем власти повторилась почти та же история: «Уже перед самой войной навестил Титова заготовитель из Ленинграда. Наслышан он был о чудесах на мельнице и все допытывался у хозяина: “Какие они, эти черти? Как выглядят?” А тот все отнекивался: “Нет никаких чертей, и точка”. Заскучал заготовитель, пошел прогуляться. Вышел на улицу, слышит, что мельница стучит, работает. Удивился он: “Если хозяева дома сидят, то кто же там тогда трудится?” Пошел полюбопытствовать. Как со свету зашел, ничего не увидел. А как присмотрелся, его отороπή взяла: одни черти мешки с зерном подтаскивают, другие — в жернова сыплют, третьи — на нижнем этаже в порожние мешки заготавливают. Побежал в избу и к мельнику, так, мол, и так. А тот: “Пойдем, посмотрим”. Вышли на улицу, а жернова молчат. Зашли на мельницу, а там пусто, никого нет. Долго потом заготовитель

сомневался, в своем он уме или уже рехнулся» [Там же, с. 184]. Думается, что в данном случае мы наблюдаем устойчивость фольклорных представлений, порождающих все новые рассказы о мельниках-колдунах и встрече с ними.

4. Заключение

В заключение следует отметить, что мифологические рассказы о мельницах и мельниках, их связи с водяным, жертвоприношениях, совершаемых мельником, его колдовской силе и под. широко распространены в фольклоре всех восточных и западных славян (белорусов, украинцев, поляков, сербов и т. д.), в основе их лежат единые мифопоэтические представления о мире, его границах, духах земли и воды, поведенческих нормах в сакрализованных пространственных зонах.

Мельница как феномен культурного ландшафта с его мифологическим подтекстом, образ мельника как сильной неординарной личности, как человека иных поведенческих и моральных принципов, отражены не только в фольклоре, но были восприняты и русской литературой, что отразилось в произведениях ряда поэтов и писателей (А. С. Пушкин, А. В. Кольцов, А. К. Толстой, Н. С. Лесков, А. П. Чехов и др.)

Литература

1. *Адоньева С. Б.* Сказочный текст и традиционная культура / С. Б. Адоньева. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. — 181 с.
2. *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды / А. Н. Афанасьев ; под редакцией С. Шамбинаго. — Москва : Современные проблемы, 1914. — 316 с.
3. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 томах / под ред. В. Я. Проппа. — Москва : Изд-во художественной литературы, 1957. — Т. 1—3.
4. *Афанасьев А. Н.* Вода / А. Н. Афанасьева // *Древо жизни : избранные статьи.* — Москва : Современник, 1982. — С. 186—214.

5. *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экспедиции 1916 г.) / П. Г. Богатырев // Этнографическое обозрение. — 1916. — № 3—4. — С. 42—80.

6. *Кенозерские* сказки, предания, былички : сборник / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Рос. НИИ культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева ; (вступ. ст., сост., примеч. Н. М. Ведерниковой). — Москва : Ин-т наследия, 2003. — 146 с.

7. *Вятский* фольклор : мифология / сост. А. А. Иванова. — Котельнич : Вятский рег. центр русск. культ., 1996. — 218 с.

8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1979. — Т. 1—4.

9. *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк.) / Д. К. Зеленин // Избранные труды : статьи по духовной культуре 1901—1913. — Москва : Индрик, 1994. — С. 59—104.

10. *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком, д. членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / П. С. Ефименко. — Москва : В типографии О. Б. Миллера, 1877—1878. — Часть 1 : Описание внешнего и внутреннего быта : сб. науч. тр. — 1877. — VII, 192 с.

11. *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре / Л. М. Ивлева ; Рос. ин-т истории искусств. — Санкт-Петербург. 1994. — 236 с.

12. *Колчин А.* Верования крестьян Тульской губернии / А. Колчин // Этнографическое обозрение. — 1899. — № 3. — С. 1—61.

13. *Личный архив – Личный архив автора* — Н. М. Ведерниковой.

14. *Логонов К. К.* Колдуны Заонежья : истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III научной конференции «Рябининские чтения 99») : сборник научных докладов. — Петрозаводск : [б. и.], 2000. — С. 176—186.

15. *Максимов С. Б.* Нечистая, неведомая и крестная сила : сочинения в 20 томах / С. Б. Максимов ; Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1903—1908. — Т. 18. — 295 с.

16. *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. — Москва : Наука, 1975. — 194 с.

17. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1946. — 340 с.

18. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа / Д. Н. Садовников. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1959. — 334 с.

19. *Садовников Д. Н.* Сказки и предания Самарского края : собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. — Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2003. — 448 с.

20. *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы Русского Севера / О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 1996. — 212 с.

21. *Щепанская Т. Б.* Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни к XIX—XX вв. / Т. Б. Щепанская // Мужской сборник : мужчины в традиционной культуре : вып. 1. — Москва, 2001а. — С. 9—27.

22. *Щепанская Т. Б.* Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) / Т. Б. Щепанская // Мужской сборник : мужчины в традиционной культуре : вып. 1. — Москва, 2001б. — С. 71—94.

© **Ведерникова Наталья Михайловна (2014)**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва), sds46@yandex.ru.